

Г. Н. Лейхтенбергский

**Афонский патерик или жизнеописание
святых, на Святой Афонской горе
просиявших**

Часть 2

УДК 291
ББК 86.3
Г11

Г11 **Г. Н. Лейхтенбергский**
Афонский патерик или жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших: Часть 2 / Г. Н. Лейхтенбергский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 496 с.

ISBN 978-5-518-04348-0

Афонский патерик или жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. Часть 2. Издание 7-е. Исправленное и переработанное.

ISBN 978-5-518-04348-0

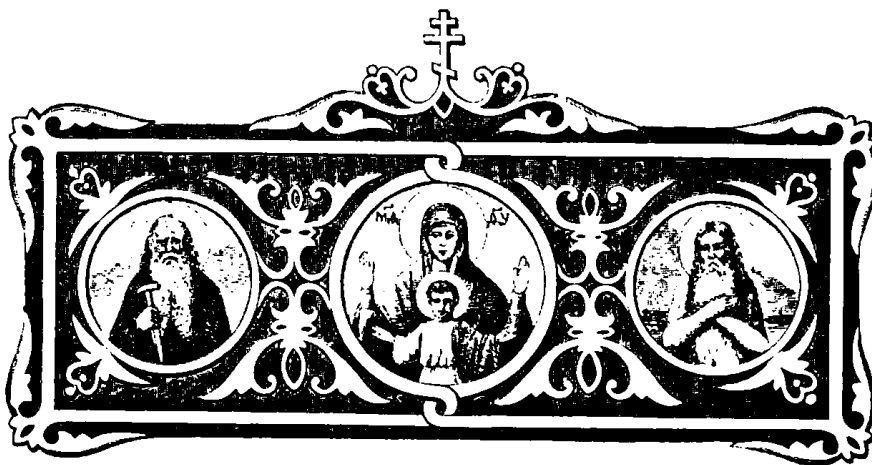
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

І Ю Л Я 5.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
АВНАСІЯ *).**

Этого небеснаго человѣка, земнаго ангела, безсмертныхъ похвалъ достойнаго мужа, въ смертную жизнь ввелъ великій городъ Трапезунтъ, въ наукахъ возрастилъ Константинополь, а представили въ немъ жертву Богу Киминъ и Аеонъ. Родители его славились благородствомъ и богатствомъ и всѣмъ извѣстны были своею знатностью и благочестіемъ. Отецъ его происходилъ изъ великой Антіохіи, а мать—изъ Колхиды; въ Трапезунтъ же они имѣли только жительство. Отецъ его умеръ еще до рожденія святаго, а мать, родивъ его и освятивъ крещеніемъ, едва успѣла воздоить его своимъ молокомъ, какъ перешла, вслѣдъ за мужемъ, изъ временной жизни въ вѣчную. Этому, еще въ пеленахъ осиротѣвшему, младенцу дано было, при святой купели, имя Авраамій. Впрочемъ, лишившись земныхъ сво-

*) Изъ вв. Καλοκαιρινή.

ихъ родителей, онъ не остался безъ попеченія и промысла о себѣ небеснаго Отца сиротъ. Господь, вседѣтельнымъ Своимъ маніемъ, возбудилъ къ милосердію сердце одной монахини,—благородной и богатой дѣвы, знакомой и подруги Аврааміевой матери: она взяла его къ себѣ и стала заботиться о немъ, какъ о своемъ дитяти. Авраамій съ самаго своего малолѣтства показывалъ уже, каковъ онъ будетъ со временемъ. Скромность во всемъ его поведеніи, благочиніе, понятливость, старческая разумность, великое воздержаніе—были отличительными чертами дѣтскаго его возраста. Когда онъ игралъ съ другими дѣтьми, эти своими играми пророчествовали ему будущее: собираясь въ пещеру, они избирали его не царемъ, или воеводою, а игуменомъ, и подчинялись ему, — что въ послѣдствіи и исполнилось, — и многія изъ тѣхъ дѣтей, съ возрастомъ, сами сдѣлались иноками. Видя, что монахиня, его воспитательница, постоянно упражняется въ молитвахъ и пребываетъ въ частыхъ постахъ, Авраамій удивлялся ей и спрашивалъ ее о причинѣ такого ея поведенія. Она, замѣтивъ въ немъ удобопріемлемость для благихъ назиданій, усердно и всячески старалась на этой благой и плодоносной почвѣ посѣвать возможно болѣе сѣмянъ благочестія. И не напрасно было святое ея стараніе. Авраамій съ душевною радостію внималъ наставленіямъ своей воспитательницы и съ того времени, оставляя дѣтскія игры, сталъ вкоренять въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, который есть начало премудрости, а со страхомъ и любовь къ Богу, и, по степени развитія дѣтскихъ своихъ силъ, укрѣпляемый благодатію Святаго Духа, началъ упражняться въ подвигахъ добродѣтели. Воспитательница Авраамія, питая сердце его благочестивыми назиданіями, не пренебрегала и образованіемъ его ума. Отрокъ отданъ былъ ею въ наученіе книжное. Обладая счастливыми отъ природы умственными способностями, онъ понималъ урокъ

отоль легко, что былъ дивомъ и для учителя, и для своихъ товарищей.

Но, когда минуло Авраамію семь лѣтъ его возраста, онъ снова осиротѣлъ: духовная мать его, монахиня, изъ сей юдоли нашего пришельствія переселилась въ небесную отчизну. Послѣ сего, онъ возымѣлъ сильное желаніе отправиться въ Византію, чтобы посвятить себя тамъ высшимъ наукамъ. Господь, пекущійся о сиротахъ и видящій направление нашихъ желаній, призрѣлъ на чистоту сердечнаго его стремленія, и потому премудро устроилъ дѣло по желанію его сердца. По устроенію Божию, съ Аврааміемъ познакомился одинъ евнухъ тогдашняго царя Греціи Романа старшаго, бывшій въ то время въ Трапезунтѣ таможеннымъ чиновникомъ. Видя цѣломудріе и умъ отрока, онъ полюбилъ его, взялъ съ собою въ столицу и отдалъ тамъ въ обученіе одному славному наставнику, именемъ АѦанасію. Учасъ у АѦанасія, юный Авраамій, при счастливыхъ умственныхъ способностяхъ, быстро шелъ впередъ въ своемъ образованіи и въ короткое время обладалъ уже многими свѣдѣніями по всѣмъ частямъ преподаваемыхъ ему наукъ. Но, при своемъ стараніи объ образованіи ума, Авраамій не оставлялъ въ небреженіи и образованія нравственнаго. Сколько питалъ онъ свой умъ уроками философіи, столько же умерщвлялъ плоть свою строгою жизнію и воздержаніемъ, — и вскорѣ сдѣлался почти тѣмъ же, что былъ и АѦанасій.

Въ то время въ Византіи былъ одинъ военачальникъ, по имени Зефиназеръ. Онъ женилъ своего сына на одной сродницѣ Авраамія, которая посоветовала своему мужу взять юношу въ домъ свой. Сынъ вельможи тотчасъ согласился на предложеніе юной своей супруги. Но Авраамій не вдругъ рѣшился исполнить волю своей сродницы. Только послѣ многократно повторенной просьбы юныхъ супруговъ, явился онъ въ ихъ домъ, да и явившись, не хотѣлъ пользоваться

однимъ съ ними столомъ, ибо желалъ скрыть воздержную свою жизнь, которой научился почти съ пеленокъ. Поэтому въ услуженіе ему дали двухъ человѣкъ, которые отъ господъ и доставляли все для него нужное. Но блаженный Авраамій, не желая баловать свой вкусъ роскошными вельможескими блюдами, уговаривалъ прислужниковъ, чтобъ они тѣ снѣди продавали и покупали для него только ячменный хлѣбъ; да и ячменный хлѣбъ вкушалъ онъ чрезъ два дня, съ сырыми зеліями, питіемъ же его была одна вода; рѣдко когда, къ малому утѣшенію своей природы, вкушалъ онъ нѣкоторые изъ плодовъ. Чтобы умерщвлять такимъ образомъ плоть свою, онъ никогда не насыщалъ чрева, и считалъ истиннымъ питаніемъ воздержаніе, находя невыразимое наслажденіе въ частыхъ и долгихъ постахъ. Не болѣе этого былъ онъ снисходителенъ къ себѣ и въ отношеніи сна, считая истинною для себя жизнью бодрствованіе. Для борьбы со сномъ, онъ наполнялъ тазъ водою, полагалъ въ нее снѣгу (если онъ былъ), и когда одолѣвала его дремота, мылъ свое лицо этою холодною водою. Малый же сонъ, допускаемый по необходимому требованію природы, принималъ онъ, успокоиваясь не на одрѣ, а сидя на стулѣ. Будучи такимъ немилосерднымъ врагомъ своей плоти, Авраамій, напротивъ, къ нищимъ своимъ братіямъ былъ необыкновенно милостивъ и сострадателенъ, такъ что все, получаемое отъ сродниковъ и друзей, передавалъ въ руки нищихъ и бѣдныхъ; если же не имѣлъ ничего, что могъ бы дать имъ, то снималъ съ себя нижнее платье и отдавалъ оное въ милостыню, а самъ оставался въ одномъ верхнемъ одѣяніи, лишь бы только прикрыть свое тѣло. Слуги, видя это, докладывали своей госпожѣ, и она присылала ему новую одежду: но и съ этою поступалъ онъ также, считая наготу своего тѣла царскимъ одѣяніемъ, а холодъ—пріятною теплотою. Такъ, державно подчиняя плоть и душу свою уро-

камъ мудрости и свѣтло просвѣщаясь ими, онъ, еще прежде облеченія въ иноческій образъ, оказывался уже истиннымъ инокомъ и прежде пастырскаго совершенства—совершеннымъ пастыремъ. За такую дивную свою жизнь, за сладость и утѣшеніе въ бесѣдахъ, за богатство мудрости онъ пользовался любовію и уваженіемъ всѣхъ. Поэтому самые товарищи Аврааміевы, питая неподдѣльное къ нему расположеніе, желали видѣть и имѣть его своимъ наставникомъ и просили о томъ царя. Царь, узнавъ и самъ высокую жизнь Авраамія и глубокую его мудрость, съ удовольствіемъ согласился исполнить ихъ просьбу и сдѣлалъ его, по должности наставнической, равнымъ учителю его АѦанасію. Но недолго сидѣлъ Авраамій на каеедрѣ наставнической. Такъ какъ ученіе его стало славиться больше, чѣмъ ученіе АѦанасія, его наставника, отчего къ нему собиралось больше учениковъ, чѣмъ къ послѣднему, то АѦанасій, по слабости человѣческой, сталъ завидовать бывшему своему ученику Авраамію и даже ненавидѣть его. Узнавъ объ этомъ и не желая служить камнемъ претыканія своему наставнику, Авраамій оставилъ должность учителя и проводилъ въ домѣ воеводы жизнь частную, упражняясь въ обычныхъ подвигахъ добродѣтели. Скоро воевода, по повелѣнію царя, долженъ былъ, въ видахъ нѣкоторыхъ государственныхъ нуждъ, отправиться на острова Эгейскаго моря. Питая великое расположеніе къ Авраамію, онъ взялъ и его съ собою. Когда они, посѣтивъ Авиду, были на островѣ Лемносѣ, Авраамій увидѣлъ оттуда АѦонскую гору,—возлюбилъ ее и положилъ въ своей мысли намѣреніе вселиться въ ней. По соверше-
ніи царскаго порученія, возвратились они въ столицу.

Наставничество въ своей столицѣ устроилъ Авраамію царь земной, самодержецъ; а Богъ Вседержитель иное промышлялъ объ ученикѣ Своемъ.

Въ тѣ дни, по устроенію Божію, прибылъ въ Византію

святѣйшій Михаилъ Малсинъ, славный игуменъ монастыря Киминскаго, что въ Малой Азіи. Слыша о добродѣтеляхъ его (ибо онъ былъ славенъ и всѣмъ извѣстенъ), Авраамій явился къ нему и, рассказавъ ему подробно всю свою жизнь, открылся и въ томъ, что имѣеть давнее, сильное и постоянное желаніе сдѣлаться инокомъ. Божественный старецъ тотчасъ провидѣлъ, что онъ имѣеть быть избраннымъ сосудомъ Святаго Духа. Во время духовной ихъ бесѣды, строеніемъ Божиимъ, пришелъ посѣтить святаго старца племянникъ его, славный Никифоръ, который былъ тогда военачальникомъ всего Востока, а потомъ сдѣлался самодержцемъ Греціи. Никифоръ имѣлъ взглядъ весьма проницательный: посмотрѣвъ на Авраамія и его сложеніе, нравъ и поведеніе, онъ тотчасъ понялъ его, какъ человѣка дивнаго. Когда Авраамій вышелъ отъ старца, Никифоръ спросилъ своего дядю, кто это такой и зачѣмъ онъ; преподобный рассказалъ ему все, и съ того времени этотъ военачальникъ помнилъ его до гроба. Лишь только преподобный Малсинъ возвратился въ Киминъ, тотчасъ явился къ нему и Авраамій, сгоравшій желаніемъ скорѣе сдѣлаться инокомъ. Припавъ къ ногамъ преподобнаго, онъ усердно и смиренно просилъ у него святой иноческой одежды. Старецъ, зная его прошедшее и провидя будущее, не медлилъ исполнить его просьбу и тотчасъ же, безъ обыкновеннаго искуса, удостоилъ его ангельскаго образа, переименовавъ изъ Авраамія Аѳанасіемъ; даже облекъ его во власяницу, чего у нихъ тамъ въ обыкновеніи не было, и такимъ образомъ вооружилъ его какъ бы броней противъ всѣхъ враговъ нашего спасенія. Сдѣлавшись Аѳанасіемъ, Авраамій, по ревности своей къ подвижнической жизни, хотѣлъ вкушать пищу только разъ въ седмицу, но старецъ, чтобы отсѣчь волю его, велѣлъ ему принимать пищу однажды въ три дня и спать на рогожѣ, а не на стулѣ, какъ спалъ онъ прежде.

Зная истинную цѣну послушанія, АѦанасій безпрекословно исполнялъ все ему повелѣваемое,—не только игуменомъ, но и другими начальственными въ обители лицами. Въ остающееся же отъ монастырскихъ послушаній время, онъ, по волѣ старца, занимался каллиграфіей. Такимъ образомъ, вся киминская братія называла его сыномъ послушанія, любила его и дивилась ему.

Въ четыре года, этотъ новый достохвальный подвижникъ, частыми своими постами, бдѣніями, колѣнопреклоненіями, всенощными стояніями и другими дневными и ночными трудами и потомъ восшелъ на верхъ подвижнической жизни. Посему святой старецъ, сознавая его приготовленнымъ и способнымъ для божественныхъ созерцаній, позволилъ ему вступить на поприще безмолвія и для того назначилъ ему одно уединенное мѣсто, за милою отъ лавры. Въ этомъ безмолвіи, старецъ заповѣдалъ ему вкушать хлѣба, и то сухаго, не въ три, а въ два дня, и немного воды, а во время четырехдесятницы принимать пищу чрезъ пять дней, спать—на сѣдалищѣ, какъ прежде, а во всѣ воскресные дни и господскіе праздники бдѣть въ молитвахъ и славословіяхъ отъ вечера до третьяго часа дня. Блаженный сынъ послушанія свято исполнялъ волю духовнаго своего отца.

Упомянутый воевода Востока, Никифоръ однажды явился въ Киминъ посѣтить своего дядю, что дѣлалъ онъ часто. Бесѣдуя съ нимъ, вельможа спросилъ его о юношѣ Аврааміи, котораго видѣлъ онъ у него въ Царьградѣ. Преподобный сказалъ ему, что этотъ юноша изъ Авраамія переименованъ уже АѦанасіемъ, и рассказалъ подробно о дивныхъ его подвигахъ. Въ это время случился тамъ и братъ Никифора, Левъ Патрикій, domestikъ Запада. Вельможи захотѣли непременно видѣть АѦанасія. Удовлетворяя желанію своихъ племянниковъ, преподобный согласился

показать имъ дивное свое сокровище, — чуднаго Аѳанасія, и они всѣ трое отправились къ нему въ безмолвіе. Слущая мудрыя и пріятныя бесѣды его, вельможи столько утѣшались, столько радовались въ душѣ своей и такую привязались къ нему любовію, что едва разстались съ нимъ. Эта любовь и впослѣдствіи была источникомъ искренняго ихъ расположенія, почтенія и даже благоговѣнія. По возвращеніи въ обитель, Никифоръ и Левъ, вполне растроганные свиданіемъ съ Аѳанасіемъ и пораженные мудростію духовныхъ его бесѣдъ, говорили своему дядѣ: „ты обогатился по истинѣ великимъ сокровищемъ; очень благодаримъ тебя, что показалъ намъ его.“ А старецъ, видя такое расположеніе своихъ племянниковъ къ Аѳанасію, призвалъ его и, ввѣривъ ему души и тѣла ихъ, заповѣдалъ имъ впередъ обращаться къ нему, какъ къ духовному своему отцу, и во всемъ повиноваться ему. Племянники отъ всей души благодарили своего дядю за такое устроеніе духовнаго ихъ отношенія и за попеченіе о нихъ. Послѣ сего вельможи снова имѣли бесѣду съ Аѳанасіемъ и не переставали дивиться его мудрости. Да и самъ старецъ удивлялся благодати, исходившей изъ устъ духовнаго своего сына. Между тѣмъ, Никифоръ объявилъ Аѳанасію наединѣ богоугодное свое намѣреніе непременно сдѣлаться инокомъ. „Имѣй надежду на Бога,“ сказалъ ему на то Аѳанасій, „и Онъ устроитъ, что тебѣ полезно.“ Послѣ этого, Никифоръ и Левъ, съ молитвою, съ миромъ и великою для своихъ душъ пользою, удалились изъ Кимина. Съ того времени питали они къ Аѳанасію большее благоговѣніе и почтеніе, чѣмъ къ своему дядѣ. Послѣ сего не только они, но и всѣ другіе изъ синклита и знатныхъ вельможъ, приходившіе къ преподобному Михаилу для молитвы и благословенія, посылаемы были имъ для этой цѣли къ Аѳанасію. Но, любя смиренномудріе и ненавидя славу человѣческую,

АѦанасій рѣшилсѧ удалиться изъ Кимина, — особенно, когда услышалъ, что святой старецъ Михаилъ хочетъ сдѣлать его вмѣсто себя игуменомъ. Разъ, говоря объ АѦанасіи съ однимъ своимъ знакомымъ, преподобный дѣйствительно сказалъ: „вотъ мой преемникъ!“ Но святой Михаилъ имѣлъ здѣсь въ виду не преемничество въ игуменствѣ своемъ: зная отъ Духа Святаго, что АѦанасій много успѣетъ въ добродѣтели, взойдетъ на высоту созерцаній и будетъ жилищемъ благодати Божіей, онъ пророчествовалъ, что духовный его сынъ сподобится подобныхъ ему дарованій, будетъ и пастыремъ многихъ словесныхъ овецъ, только въ другомъ мѣстѣ, и люди будутъ благоговѣть къ нему.

Съ теченіемъ времени божественный Михаилъ больше и больше старѣлъ и дрихлѣлъ, а потому часто и болѣлъ. Начальнѣйшіе въ обители иноки, надѣясь, что, по смерти его, будетъ начальствовать въ ней АѦанасій, часто посѣщали его въ келліи и, выхваляя его, оказывали ему разныя ласки и услуги, чего прежде не дѣлали. Удивляясь такому ихъ поведенію, АѦанасій сначала не постигалъ причины измѣнившагося ихъ обращенія: но вскорѣ потомъ узналъ отъ одного монаха, что преподобный Михаилъ наименовалъ его себѣ преемникомъ. Получивъ такое извѣстіе, АѦанасій хотя и жалѣлъ о разлукѣ съ возлюбленнымъ своимъ отцомъ, но, избѣгая начальствованія и соединенныхъ съ нимъ заботъ, а болѣе всего — считая себя недостойнымъ этого сана, оставилъ Киминъ и не взялъ съ собою ничего, кромѣ двухъ книгъ, имъ же самимъ написанныхъ, — четвероевангеліе съ дѣяніями святыхъ Апостолъ и священнаго кукуля преподобнаго отца своего, который онъ всегда имѣлъ, какъ священное иѣкое сокровище. Оставивъ Киминъ, онъ удалился на АѦонъ, который, какъ мы сказали выше, видѣлъ и полюбилъ уже давно.

Желая лучше ознакомиться съ пустынною жизнію здѣ-

шнихъ подвижниковъ, онъ посѣтилъ многихъ отшельниковъ и, при посѣщеніи ихъ, видя чрезвычайно строгое ихъ житіе, дивился имъ и вмѣстѣ веселился духовно, что нашелъ такое мѣсто, какого желалъ съ давняго времени. Чудные аѳонскіе отцы проводили жизнь безъ всякихъ развлеченій: не воздѣлывали земли, не торговали, не имѣли никакого тѣлеснаго попеченія, не держали рабочаго скота, не строили для себя даже и келлій, а только сплетали изъ травъ малыя каливы и жили въ нихъ со многими злостраданіемъ,— во время лѣта отъ солнечнаго жара, а во время зимы— отъ холода. Пищею для нихъ были только каштаны и другіе подобные плоды. А кто доставлялъ имъ пшеницу или огородныя овощи, тому платили они за то дикими плодами. Но это случалось весьма рѣдко, потому что Аѳонъ былъ пристанищемъ безбожнѣйшихъ критскихъ варваровъ, которые являлись сюда часто и либо немилосердно убивали, либо отводили въ плѣнъ святыхъ подвижниковъ *). Посѣщая пустынныхъ безмолвныхъ подвижниковъ, Аѳанасій узналъ, что преподобный Михайлъ Малеинъ отшелъ ко Господу, и пролилъ о немъ слезы скорби и сожалѣнія, какъ сынъ объ отцѣ.

Обозрѣвая такимъ образомъ Аѳонъ, преподобный Аѳанасій достигъ обители Зигъ **). Здѣсь, въ обители, нашелъ онъ одного простаго, но опытнаго въ духовной жизни

*) Нужно замѣтить, что, со временъ Льва Исавра, а по другимъ, со временъ Константа, внука Иракліева, агаряне такъ усилились, что простирали власть свою не только на Египетъ и на всю почти Ливію, но и на Италію, Сицилію и Испанію: Критъ держали они до воцаренія Никифора Фоки; тогда и самый Константинополь, если бъ не было ему помощи свыше, близокъ былъ къ паденію,—какъ это видно изъ синаксаря субботы акаѳистной. Опасность грозила ему сперва при Иракліи, а потомъ, отъ агарянъ, при Константиѣ Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ. Эмиръ Ниссиръ, во времена Льва Философа, изъ Крита нападалъ съ своимъ флотомъ на острова, лежащіе на Эгейскомъ морѣ, и опустошилъ Лесбосъ.

**) Смотрите.—обитель внутри горы, а въ обители—безмолвники; и тѣ и другіе,—и безмолвники и иноки обители,—всѣ собираются на Карею, въ Протать, трижды въ годъ (какъ это увидимъ немного ниже).—Агіор. Іаковъ, ркп. нашей бібліотеки.